

К

онечно же, не двое. Кроме них, на земле еще миллионы и миллионы людей. Но в умирающей родной деревне их осталось только двое: весь остальной народ уехал, перебравшись в более удобные для жизни места, или лег под тополя — так в деревне издавна называли место захоронения односельчан. И оставшимся двоим никто не может помочь дожить последние — месяцы, годы? — жизни, потому что они наглухо отделены от мира бездорожьем и равнодушием к их судьбе.

Вот им и кажется: на всей огромной матушке-земле их осталось двое...

Невеселые эти мысли овладевают душой и сознанием после чтения повести Василия Килякова «Последние». В книгу «Посылка из Америки» (издательство ИПО «У Никитских ворот», 2018 год) включены и другие повести и рассказы автора, и каждое из них достойно отдельного разговора. Но я не профессиональный критик, обязанный детально исследовать по определенным канонам каждое из произведений и давать ему соответствующую оценку. Я — читатель, и в некотором роде коллега по перу, которой именно «Последние» ударили по сердцу больше всего. До сих пор это удавалось, кажется, только Белову, Распутину, Астафьеву, Абрамону...

Писатели-деревенщики — окрестила их официальная критика. С некоторых пор в эту когорту стали включать и Юрия Казакова, но, на мой взгляд, на самом деле село, сельская местность у писателя — только фон, на котором разыгрываются драмы человеческих судеб и отношений. Вы решили, что я ограничиваю творческое пространство писателя? О, нет, наоборот: я искренне восхищена тем, как умело, как тонко и психологически точно решает он каждый раз поставленную перед собой художественную задачу. Его мастерством нельзя не восторгаться!

Василий Киляков тоже пишет о человеческих отношениях и судьбах. В чем, на мой взгляд, разница? В том, что его интересуют не характеры сами по себе, пусть самые причудливые и интересные, но сама ткань деревенской жизни. Он хочет знать, какая она, эта жизнь, есть в реальности, а не в чьем-то представлении, пусть и самом сочувственном, самом доброжелательном. Задача осложняется тем, что речь идет о деревне нынешнего дня. Она, русская деревня, и всегда-то жила не просто, а уж сегодня...

Удалось ли автору решить поставленную перед собой наисложнейшую (разве не так?) задачу?

И все-таки сначала о рассказе, с которого начинается книга, — «Капитал». Признаюсь честно: я не смогла одолеть его сразу, с первого чтения. Отчего так? Рассказ невелик по объему, изложенные в нем события не требуют особенного умственного напряжения.

Они требуют другого — напряжения души. И вот это — с первого захода — мне оказалось не под силу. Думаю, причин этому две. Первая — авторское мастерство: ну, умеет Василий Васильевич нагнетать страсти, описать жизненную ситуацию так, словно все-все происходит с тобой, и нельзя от переживаний ни убежать, ни защититься. А вторая: все, о чем рассказывает автор, — правда (сразу же вспоминаешь шукшинское — «нравственность есть правда»), и правда эта ужасает, потрясает. Ее можно принимать только дозированно, иначе — сожжешь оболочку души. Словом, я одолела рассказ с третьей попытки.

Нечто подобное происходило и с повестью «Последние». Сюжет ее прост: молодой мужчина, бывший военный, а ныне — охранник в частной фирме (как все это знакомо — правда?), приезжает в деревню, где проходили летние месяцы его детства. Столичная жизнь, теперешний способ добывания средств для содержания семьи до того осточертели герою, что он решает на эту поездку в надежде, что полученные впечатления помогут ему понять: что же происходит с его страной и им самим, отчего болит душа и не подарит ли ему малая родина лекарство от этой боли?

А малой родины, считай, уже и нет... «Две старухи и старик — все, что осталось от жителей Выселок. Святочные метели замели подворья, задичавшие сады, заброшенные избы. На пустой заснеженной улице криво, как пьяные, стоят опоры электропередачи...»

Вот с этими-то двумя старухами и стариком суждено было герою прожить несколько дней в умирающей деревне. Акулина, Лизавета, Кузьма Лукич... Распорядок жизни был такой: утром Сашка (так звали героя) заходил за Кузьмой, вместе они шли к бабке Лизе, потом — к хворой Акулине, где и завтракали вскладчину. Старики рассказывали Сашке свою жизнь, а он слушал и — думал. И сравнивал реалии столичной жизни с тем, что узнавал от стариков и видел своими глазами. Там — город-гигант, забытый иномарками, казино, ресторанами. Здесь — «...вышел на улицу — ни единого следа, ни звука, ни признака жизни»... Там — дебаты о «свободе, о создании демократического пространства и неприкосновенности частной собственности» (московские нувориши почему-то решили, что собственность, которую они у народа украли, — заводы, фабрики, недра, — стала неприкосновенной), здесь бабка Акулина лежит в холодной

избе на печи в валенках и телогрейке. Здесь те, кто, по сути, похищенную у них собственность создавал, живут в нищете и уже без надежды на регулярно обещаемое народу светлое будущее. «Председатель так и сказал, как помрем мы, обе старухи и я — «святая троица», бульдозером снесет, с землей сравняет деревню», — говорит Кузьма Лукич.

Ночи Сашка коротал в родной избе. Ему снились странные сны. Самый странный — когда явилась во сне сама Богородица. Ей-то он и выплескивал свои муки сомнения. От нее и услышал: «Боль твоя душевная заслуженна. Не ты ли и друзья твои и не сам ли народ позволил, чтобы богатства перетекли в карманы черной кости и «позлащенной» ее сделали? В смерти Сына моего виноват не только Иуда. Иуда только орудие»... В другой раз приснился ему родной дед Терентий; уточнив, кем работает внук, тоже спросил, как ответил: «А от кого ты охраняешь? Имущество-то? От воров или, может быть, от народа?»...

От народа — значит, от мерзнувшей на давно не топленной печи Акулины, от бабки Лизы, на которую тоже горестно глядеть: «Маленькая росточком, с опущенными узкими плечами, со сморщенным, как моченое яблоко, лицом... ничем не походила она на бывшую трактористку, разве только мужскими руками, не в меру длинными, грубыми, с узловатыми синими венами»...

Вам стало скучно, уважаемый читатель? В самом деле: куда интереснее — и, главное, легче читать любовный роман, детектив или фэнтези. А эти заброшенные в заброшенной деревне старики — что в них интересного?.. Но должен же среди сонма писателей, словесными и смысловыми трюками отвлекающих нас от проблем реальной, а не смоделированной жизни, появиться такой, кто сочувствует им, заброшенным, всей душой, болеет их болью, стремится понять и хоть как-то, хоть чем-то помочь. Вот и наш герой (читай: автор повести) собирается поутру с Лукичом в райцентр — за хлебом. Поход этот — дело нешуточное: дороги в райцентр давно нет, идти придется по целинным сугробам. Однако хлеб у стариков кончился, другие припасы тоже пора пополнить.

Это путешествие за хлебом — само по себе повесть в повести. И дело не столько в подробностях преодоления нелегкого пути, сколько в том, что в дороге Сашка открыл новые грани характера Лукича и нашел ответы на некоторые задаваемые себе вопросы. О том, что его попутчик «в колхозе дня не работал, на войне не был... все в городе ошивался, в депе», он знал и раньше — Кузьма, как и другие мужики, частенько заходил к его родному деду, и Сашка, тогда мальчишка, не раз был внимательным свидетелем их долгих разговоров, от которых бабка в конце концов свирепела: «Мужики, ай не стыдно в чужих людях сидеть до глубокой ночи?.. Ай дела округ дома нету?..»

А мужики — опять о войне, о плене, о том, как после войны колхоз поднимали. Так что жизнь их в общих чертах Сашке была знакома. Но вот какова она сегодня, сейчас...

Кузьма еще перед дорогой сразил его своей одежкой-обуткой. «Полушубок — подрезанный зипун, заплатка на заплате. На ногах — огромные лапти, серые онучи из суконного одеяла. Меня разбирал смех...» Однако скоро оказалось, что надевалось все это неспроста: в лаптях и онучах легче было преодолевать сугробы — снег в такую обувку не набивался. А одежка... Когда путники, с великим трудом преодолевшие дорогу, пришли к автолавке, сразу поняли, что ни хлеба, ни других покупок им можно не дожидаться: покупателей было больше, чем товара. Что делать? Возвращаться в деревню, к Лизавете с Акулиной, с пустыми руками? И тут Кузьма (заплатанный зипун тоже оказался кстати) устроил спектакль — притворился большим падучей. И народ — «Ишь, трясет его всего, пустите...»

Отоварившись, «воскресший» Кузьма еще и частушку пропел:

Раньше ел я каждый день,
А теперь — с получки,
Этот, с пятнышком на лбу,
Нас довел до ручки!

Вот как, оказывается, сегодня, сейчас — ответил себе на свой вопрос Сашка. А если бы по-другому — вертаться им в деревню без хлеба...

И среди множества других мыслей в Сашкиной (и читательской) голове появляется такая: да, не герой Кузьма, восхищаться им не след, но не потому ли, не для того ли он и уцелел в этой жизни, чтобы поддержать стариков-односельчан в самый тяжелый период их жизни, когда они — изношенные и измочаленные тяготами жизни — никому уже не нужны: ни государству, ни местной власти, ни родственникам, устроившимся в городах?

Ну, интересны ли такие типажи — простые да неказистые — работникам слова, с упоением ваяющим любовные драмы? А вот Василий Киляков такими героями не погнушался. Более того, решил, что их жизнь достойна самого пристального внимания и подробного описания, потому что многому может нас научить. Чему? Состраданию, например. Не потеряли ли мы в суете нынешнего существования (или все-таки жизни?!) это драгоценнейшее, поистине христианское свойство души? А если сострадание еще и действительно...

Да и не так уж они просты, его простые герои. В ходе повествования оказывается, что на ладан дышащая Акулина всю жизнь любила Кузьму — любила, да мать за него не отдала. Так и проходили всю жизнь друг мимо дружки. Смешно?.. А может — печально? Печально до слез...

Зато какой подарок сделал Лукич для несостоявшейся невесты!

Когда наши путешественники вернулись в деревню, Лизавета сразила их вестью: Акулина отходит. И старушка к утру действительно отошла. Кинулись Сашка с Лукичом искать доски на домовину, но во всей деревне ничего подходящего не нашли. И тогда Кузьма отдал усопшей... собственный гроб. Для себя делал, трезво полагая, что когда придет его час — заказать гроб будет некому.

В нем Акулину и похоронили.

Сашка засобирался домой...

И остались они в родной деревне двое — Лизавета да Кузьма. В опустевшей деревне — словно на всей земле...

